

Иванова Елена Ивановна: «...То займут, то отступят, то опять займут, то отступят»

КАТЕРИНА ПЕТРЕНКО

Иванова Елена Ивановна, 1929 р.н., Луганськ; пенсіонерка. Дата проведення інтерв'ю: листопад 2011 року. Тема: «Воєнне дитинство».

Інтерв'юер: *Бабушка, розкажи, пожалуйста, про своє дитинство.*

Елена Ивановна: Родилась я в Курске 11 апреля 1929 года... Отец еще был мой молодой – 40 лет. Приехали мы у Луганск. (*Перебирает платочек в руках*). Да, у Луганск.

Інтерв'юер: *А почему в Луганск сначала?*

Елена Ивановна: А потому ша там его родственни... друзья были, все такое. Вот. А... И там я в Луганске всего лишь два года кончила, и война началась, в 41 году. А когда нас война оккупировала, уже немцы пришли, то нам уже досталась тохда: и этих битых собирали... (*слезы наворачиваются на глаза*).

Інтерв'юер: *Бабушка, не волнуйся...*

Елена Ивановна: Все заставляли нас делать! (*говорит сквозь слезы*). И мы все подчинялись, надо подчиняться.

Інтерв'юер: *Это тебе сколько лет тогда было?*

Елена Ивановна: Сколько? Двенадцать, да-а. Во-во-во. А потом уже не тошо заставляли уже, а война в нас четыре года была, ого сколько. А уже в эту войну...ходили побирались, вот; а то этих битых собирали, то солдат собирали. Все нам досталось! (*говорит сквозь слезы*) Только начинаю я все вспоминать! (*плачет*) Свои года! А еще што: есть нечего, эту то мамалыгу, то овсянку закрутим на кипяточку, засолим. А так жиров не было. Ну, и то слава Богу! Не болели, овсянку ели, она вроде кисель какой-то. Кукурузы мало было, не-е, этого даже не снилось, а жиров даже мы и не видели!

Інтерв'юер: *Так это немцы все забирали?*

Елена Ивановна: Да-да..

Інтерв'юер: *А кроме немцев были еще иностранцы – итальянцы, румыны?*

Елена Ивановна: А тож итальянцы, тож на нашу сторону... (*Задумалась*).

Інтерв'юер: *Итальянцы были значит?*

Елена Ивановна: Нет, вот эти нерусские были, я скажу. Но они в наших соединениях были. У нас было 16 республик! А тошо немцы нам не касались. Тошо они воевали тоже с нами, эти нерусские. Они были под нашим владением. Разве ... ну да, кто вам что объяснит, эти старушки все. Те, что с немцами не сотрудничали, а воевали вместе с нашими русскими, украинскими: (*начинает загибать пальцы*) белорусы, чечеки...(*забыла*) каких только – 16 республик вот эти. Всех их перечислять – 16 республик, у нас одна была.. (*забыла*) ну одна... одна страна была, правильно, воедина все было, и все были на нашей стороне. На нашей только не были немцы, ну кто там с немецкой стороны? А эти все были на нашей, да, им тоже досталось, и нам досталось.

Інтерв'юер: *Значит, все воевали на Донбассе?*

Елена Ивановна: Да, все-все, все, ну, за нас. За нас, у нас было 16 республик объединенных. И одна дорога была, одни деньги были, одно и то же, одно постановление, тохда нами руководил хто-хто ? Сталин! А, во-во-во-во, и грозно было, все подчинялись. Ну , немцы нехорошие были, не а... (*Опустила глаза*).

Да немцы были во время оккупации и нехорошее творили, нет-нет.

Інтерв'юер: *А что творили?*

Елена Ивановна: За продукты и говорить нет – у нас, мы были без продуктов. День прожили – и слава Богу! Где-то че-то достали, и ладно. А то, что они нехорошие, нет, эти немцы. Ну-у, война! Увозили четырнадцатилетних – пятнадцатилетних, ну они там работали якобы год, и оттуда их вертали девчонок, пацанов. Вертали назад, они в хозяев работали, наши, наши дети-молодежь 15-16 лет в эшелоны загружают. Но хозяева те, шо там жили, немцы-хозяева, не обижали наших, нашу детвору. Это ж дети 15-16 лет, но они все-все там работали! Помогали, по хозяйству! Но она считалась более-менее развитая, да, Германия, немцы; ну, их всех вертали назад, сколько они там год поработали, их не обижали – девчонок, пацанов, они там как рабы были. Рабы, но не обижали их, приезжали домой с подарками, и с сумочками, разодетые. Говорят, нас хозяева не обижали – и кормили, и одевали, и обували, там-там, хозяева, вот. А у нас тут, ну что я хочу сказать? А шо нам по 12-13 лет было, война кончилась – 16-17 лет, давай скорей паспорт, иди, паши хоть где-нибудь, уже война кончилась и нам по 16 лет – давай иди работай, все...досталось, очень досталось. Вот эти года еще живуть – 80, 82, 85, которые немцем были. Вот у нас на поселке Уляна у немцев была, работала, но та от меня лет на 5 постарше, та сказала «ой, как нам тяжело было! Восемнадцати лет ее отправили туда, до немцев. Уляна еще живая, 86 лет ей. Я все до ней хожу, а она – до меня! И после войны эти хозяева пересылали им деньги, вот только что перестали высылать. Не деньги, а эти ихние, ну, деньги. У наше время свободное, война кончилась. Да выплачивали, каждый год вышлют им, но все же это было такое распоряжение. И вот это Уляна получала немецкие деньги, ну, тут она меняла, это ж государство знает. И это Уляночка значит 86 лет пришла до меня отакая все худенькая, говорит: «а я в 18 лет там пахала!» еще и как пахала там, как это? Ну, работала, работала, Боже мой, но подчинялась, не обижали, сколько там она прожила, потом их вернули назад, вот. Вот это все она рассказывала. Ну, я туда не по-

пала, молода была, 12 лет. А 14-16 лет всех забирали, всех от 14,16, 18, всех, всю нашу молодежь, вот. Если вот это со старыми людьми, если еще с дедами разговаривать, которые еще живы, 80-85 лет, они все-все расскажут, все! Вот. Они еще там побывали. Ох, Господи, спаси и сохрани (*перекрестилась*). А так здесь немцы нехорошие, нет. Война, война!

Интерв'юер: Здесь же зона была прифронтовая, в Донбассе?

Елена Ивановна: Да-да, во-во передвигались, то займут, то отступят, то опять займут, то отступят. Ой, страшно, ой, страшно! Раненых мы уже собирали большими, в 14 лет, уже они отступали, и когда немцы отступали много по степу валялось, людей, и у вольной одежде, и в солдатской одежде. Все, уже валялись, вот то мы собирали, это уже перед концом, деточка, перед концом войны, тогда они отступали, много-много валялось. А мы ходим и мертвых тащим в ямку, мы копали, а у ямок по 10 человек. Тут у нас много бугров (*показывает на улицу*): от на военкомате, ты не знаешь, потом еще Саур могилу, ты еще не знаешь, много-много это общины могилы, там. Без гробов, без ничего закапывали, как есть. Но у карманах все проверяли, некоторые у нашей вольной одежде, вольный попал тоже, бежали, хто как, танки бежали. Страшно, страшно!

Интерв'юер: Бабушка, а ты как в Луганск попала в 1941 году?

Елена Ивановна: Нас отец привез еще малышами, много нас было малышкой у отца родного, не я одна была, еще сестричка была, Зина была, братик Вася был, Вера была. Он всех нас привез, здесь у него друзья были, у Луганске. А в Луганск приехали прямо из Курска. У Курске родилась и всего два годика жила., и больше этого не знаю, этот Курск. А в два года нас отец в Луганск привез, целый отряд, четверо или пятеро. Но те старшенькие, старшенькие. Да что старшенькие, они если года на два постарше, и тоже ниче. Вот Зины, моей сестрички Веры уже 20 с лишним лет нету, братика нету, он уже после войны умер, контуженный (*всхлипывает*)... а я все еще

живу и живу, 82 года с половиной, вот через 4 месяца будет 83, все живу и калдыбаю, сама думаю, Господи, слава тебе, ище и держишь мене, или я долгожитель...

Отец мой родный прожил 74, мама 70 прожила, вот. Отец был на 7 лет постарше от матери. Мама рассказывала: «а я в 19 лет вышла за него, ему уже было 26 – 27 лет, вот , за отца, за моего. Неплохой, хоть иногда выпивал, ну, то ничего, так он роботящий, руки золотые, все мог, все умел. Он был грамотный по тому времени, главный механик по тому времени (указывает пальцем), но не подчинялся никому, не хотел работать. Шабашничал, все людям строил, делал, а вот не подчинялся государству. А грамотный был, очень грамотный (улыбается). А уже в 70 лет пошел в шахту, взяли его, немножко поработал и умер. А шахту он знал хорошо, потому что он в молодости шахту знал. В молодости у хозяина поработает – рассчитается. Как он рассказывал: « мне было, дочечка, 16 лет, нас у семье было много. И отец говорит, ну детки вас много, я вас не обеспечу, живите, как сможете. Так я, говорит, в 16 лет поехал с друзьями, такими, как и сам, по шахтам. И как в одного хозяина, а у Донецке, шахта Юзовка, та знают тут все, вот узял хозяин в шахту работать. А у хозяина был постарше сын, лет 20-22, кампания была: «Что, щенята, приехали зарабатывать деньги? Мы вам устроим!» а тут и переказали – ребята, уходите так и так, хозяйский сын пригрозил, у него друзья, он все, что угодно. И они ночью уходили, эта наша молодежь. Тут хозяева были, это Юзовку мой отец знает. «Откуда ты, пап, все знаешь? Дочечка, жизнь заставила! Нас у семье много было, много. Ото мы подросли себе, и каждый шел себе кусок хлеба зарабатывать».

А в одного хозяина метры мерил, ситец продавал, правда платил, тогда копейки платили, но все было дешево: копейка булочка, 5 копеек – буханка хлеба. Так ... а до другого хозяина пошел: « он меня заставил квас продавать на улицы, а квас никто не берет – прокис. А хозяин говорит – что, щененок, почему не продал квас у бочке?

Да если никто не подходит, как я могу продавать? Это когда пьют, жара. И он ему не уплатил. Это мой отец, пацан пошел у полицию, расплакался: «я вот квас у него продавал, такой-то хозяин, живет там-то там, и он мне ничего не уплатил!». И тогда полиция, а тогда полиция была, а не милиция, и расплакался. Приходить полиция вместе с этим пацаном, с моим отцом, он еще правда коренастенький, сильно грамотный, о-о. Так полиция хозяина так побила, крепко: «Уплати этому пацану, ты что, наживаешься на этих детях?». Уплатил хозяин и говорит: «Щененок, тебе не будет сегодня...». А полиция говорит, знаешь, что пацан, уходи, мы же не сторожа тебе караулить. А он опять уехал на шахты. Опять тикал; только хозяину сказали, что нету, уехал, хозяин уже искал убить его, потому что в полицию пошел пожаловался, и хозяину дали крепко. А хозяин сказал, что уничтожит щененка, так и говорили – щененок! Он маленький, коренастенький такой – это мой отец, это его жизнь такая была!

Это он еще в то время родился – 892 года (1892г.) он родился, мой отец! Грамотный, в то время 4 класса кончить, если хочешь в университет выше – плати! И тогда поднимайся – тогда врач, инженер будешь, вот, учитель будешь, преподаватель, высшее добиратся. А отец говорит мой: « Да я четыре кончил, я опытный, куда, у меня денег нету выше подниматься, пошел на свой хлеб. «Пап, а как же там..?». «Дочка, нас тогда брали в школу с десяти лет. Я 4 класса кончил, в 14 лет пошел уже работать». Но, говорил, мозги у меня были. Любил читать, любил, знаешь, чтоб все он знал, да! Отец, царство небесное ему, неплохой был, молящий был, все Богу молился, и Господь его хранил от всяких злых людей. Только злые люди надходят – он помолился, перекрестился все, проходит. Нападений много было, понимаешь, и ото он нас приучил, он всех учил нас. У него много было, у мамы аж девять, с 9 осталось 6, а с шести осталось пять, а с пяти – четыре, а с четырех осталось три – голод, голод! Вот такое вот неразбери что было!

Ну, дети, молитесь, молитесь, креститесь – вот этому он нас приучил. Да, насчет этого да, и сам молился: « вот, дети, если знаешь, что вот тут что предстоит – помолись: Господи, прости, Господи, помоги, отстрани от меня это зло, минуй меня этого – сразу уходит!». Этому он меня учил, нас всех, от сколько у него детей было, он нас всех-всех учил.

Интерв'юер: И сколько вас было?

Елена Ивановна: Так, я, Зина, Вера, (*загибает пальцы*) ну, и Вася еще был, но все уже умирали под годами, как 5 лет, 3 года, 20 лет, уже такие умирали, понимаешь, с голоду! Ой, тяжелая жизнь! А я еще все живу и живу! Уже сестричка моя Зиночка 71 год прожила умерла, Вера Ивановна, Ленина мать, 68, тоже молящая была, а потом братик, но он парализованный был, в 25 лет умер, парализованный после войны. Тяжелая жизнь, тяжелая! Ну, слава Богу, Господь еще меня держит, и держать, и держать (*перекрестилась*).

Но тогда не делали аборт (*говорит шепотом*) так мама 9 родила, каждые 2 – 3 года рожала. Поживуть 2 – 3 года и умирають, живуть 10 лет – умирають. И чеж мама меня научила: «Деточка, не делай, сколько будет, пускай на свет, Господь всем даст судьбу, какую даст, такая и будет. Вот и все. И я скоко не делала, только говорю, Господи, да я уже замучалась, да у меня уже и подол мокрый, и сама, и все время открыта – деток любила – да уже мне хватит. Только помолилась, раз попросила боженьку и сразу прекратилось. В 40 лет, в 35 – 36 лет я молилась богу, покрестилась, только у во сне сказали не будет, хватит, как грозно сказали, у во сне, просить надо. Но в настоящее время хоть говори, хоть не говори, у меня детки грешные. Да я говорю детям – да идите в церкву, молитесь, причащайтесь, покайтесь у своих грехах, перед батюшкой, перед людьми. Сповидаются, а потом причащаются, дают маленькую просвирочку (*показывает*) и красное вино.

Надо Богу молится, еще и как! Еще это грешно, когда деток выбрасывают. У меня кума троих родила, а четвертого решила пойти, и пошла и кончилась, и оставила де-

ток сиротами. Да пускай в свет всех: живой – пусть живет, мертвый – хай умирает. Вот так. Насчет этого, я безгрешная. А уж воспитывать их как тяжело!

Интерв'юер: а откуда родом твои родители?

Елена Ивановна: Папа из Курска, ну, и мама тоже. Приехал мой отец с друзьями с заработков, с гармошкой, а девчата собрались – женихи наши приехали! Шутили! Тогда ребята 16 – 18 лет уже разъезжаются, где придется – там и добывают копеечку. Со своими друзьями он ездил в Луганск и работал, как соберется компания, кто постарше, кто помоложе – поехали! А хозяйский сын сказал, что устроит им, щенятам. Хозяев сын, барчук его называли, барчук! Не работает, только над нашими издевается. Как же его фамилия, щас скажу... Юзов фамилия, Юзовские шахты вот это в Донецке. Вот почему и привез нас отец в Луганск, Донецк, это он все уже знал. А он родился при царском времени, при царском, еще хозяева там, эти – паны были, тогда много отсылали на Сибирь – кулаки считались, вот в то время он родился, 892-го, 1892 года он родился.

А говорит: «А в школе учились, все учились, учились только четыре – пять, четыре – пять, урок не выучил – линейкой ходили били, во. «Учись! 10 лет тебе, учись!» и кончали тогда только бесплатно 4 класса. После 4 классов тебе надо идти на высшее – врач будешь, профессор будешь, учитель будешь – что угодно, бумажку высшую дадут. Тогда всего 4 класса учились, а сейчас 10-11.

Вот когда я в первый класс пошла в 39 году, у 10 лет пошла! Я в 10 лет пошла, у Луганске. Там две школы – одна украинская, одна русская. Рядышком, не в самом Луганске, в поселке окружает.

Интерв'юер: разве тогда с 10 лет ходили?

Елена Ивановна: Тогда в 8 лет принимали, а я пошла в 10, а моя сестричка Зиночка пошла в 12.

Интерв'юер: А почему так поздно?

Елена Ивановна: Отож такой и папа! Не старался, чтобы детки рано кончали школу,

шли пораньше. А мы дома город пахали, сажали, поливали капусту, огурцы. 7 лет, 6 лет мы уже ведро на палке с водою и несем поливать капусту. Я с этой стороны, Зина с этой стороны. Полили, опять бежим, набрали, опять поливаем. Работяги заставили нас! Детей много, а мама у нас очень хорошая, моя мама очень хорошая, она трудяга. В 70 лет умерла, вот такие 2 грыжи паховые. И уже она здесь умерла, здесь. Пришла ко мне в магазин и сказала, что ей скоро умирать...

В 10 лет в школу пошла, а в 12 лет, в 41 году, война началась. А училась я на пятерки, и я два класса кончила, сколько похвальных, сколько там этих! Да еще что: нам учеников давали слабых, а мы с ними сидим-сидим и сидим, да подсказываем, да говорим им! Я никогда книжки не читала, учительница объяснит – я уже знаю. Насчет учиться я и моя сестричка кончили по два класса, а хочется выше учиться. Я тогда книжки брала старших классов – 5-6 класса – и начала изучать: шо синус, шо конус, как это открывают корень, чему он равен, да у кой-кого спрашиваю, не знаю, я же этого не изучала ни корня, ни ботаники, ничего не изучала. И вот так выше-выше, а шо в 2 классе в наше время, при советской власти...

Интерв'юер: *А что учили?*

Елена Ивановна: Украинский, русский, ну совсем мало-мало, не высшее, не было там высшее. У школу шли даже некоторые палочки писали. А мы уже писали, потому что отец нас научил дома – буквы, учил писать, чтобы мы пошли в школу и все умели делать, уже мы читали, писали, и только пятерки, пятерки, пятерки. Дают нам этих учеников, а они не умеют, ну, как бараны, тяжело с ними, а нам давали, кто хорошо учился, давали учеников отстающих, те, шо плохо понимают. Бедная учительница им далдонить, как ото стенке какой. Вот такие есть тупые.

Но мы, я уже в 10 лет пошла. Когда война началась, школы позакрывались, у школах эти сделали больницы – госпитали. Уже все, в войну никто не учился.

Интерв'юер: *А вы где жили?*

Елена Ивановна: Хатка на поселке была, детей много было, негде поселять – небольшая хатка, а вот как зал (*показывает*) и две комнатки – ото мы там и крутились. Это уголь, дрова – тепло было, грелися.

Интерв'юер: *А в вашем поселке стояли немцы?*

Елена Ивановна: Стояли, но они переходили, ишли-проходили, ишли-проходили, проходили. Ой, страшное, не дай Бог войну!

Интерв'юер: *А были такие, кто с немцами сотрудничал?*

Елена Ивановна: Не, не было таких, не.

А поселок большой был, большой. И как то они не останавливались, не жили. А вот солдатики наши были, потому что они их гнали, и день – два были у нас солдатики, все гнали их, гнали, гнали. А шоб немцы – не, не было у квартирах...

Интерв'юер: *А чем после войны занимались?*

Елена Ивановна: Пахали! Ну, работала. Работала в шахте. Война кончилась, мне исполнилось 16 лет, 17 год пошел – иди, дочка, работай, зарабатывай себе одевайся. И ни одеваться, ни обуваться; в шахтерках спишь, в шахтерках работаешь. Ну, Господь судья... слава тебе, Господи! (*Перекрестилась*). Господь судья! 8 лет у шахти отпахала, здесь у Юзовки, а Юзовка у нас у Донецке.

Интерв'юер: *А после войны доучивалась?*

Елена Ивановна: Не, я сама книжки до бывала, читала, расспрашивала. Любила, учиться любила, чтоб я врач была, любила, чтоб я высшее где-то кончила. Так и хотела, чтоб я врач, так у меня в голове, шоб белый халат у меня был, вот у голове у меня так стояло! Но была продавцом, была недавно, вот уже лет 10-20. А в 16 лет отец сказал, что война кончилась, дочечка, иди, как хочете, так и живите – кто умирает, а кто живет.

Ой, детка, по мусорнику ходили пацанята эти, молодежь, собирали шкурки, ели и так и умирали на мусорниках... пригнали сюда этих пацанов ХФЗО чтоб обучить их, а они тут умирають. 300 грамм дадут хле-

ба – и живи, как хочешь. Но я получала кило двести у шахте по карточке. Хлеб отменили когда – 48год. Вот тогда мы хлеба и наелись! А то эти кило двести получал шахтер-бедолага, и мы, это в шахте. А так получали 600 грамм, 300 грамм на человека, и что с водичкой попьет, с солечкой, и что – и работай. Сила воляча была! Ой, не дай Бог...

Интерв'юер: *А после шахты ты где работала?*

Елена Ивановна: После шахты вышла замуж, большая, пошли дети, царство небесное мужу, и я десять лет не работала. А потом детки начали подрастать – кого у ясли, кого у садик, пошла еще работать. Кончила курсы продавцов, и пошла овощи, фрукты продавать, яблоки, груши, помидоры, а с этих помидор пошла у продуктовый,

где колбаса, где хлеб, где сахар. У меня 8 лет продавца. А то 10 лет нигде не работала, дети родились.

Интерв'юер: *А познакомились как?*

Елена Ивановна: У подружки братик служил, и привез товарища, и подружке привез, и мне привез солдатика в солдатской форме, в галифе защитного цвета, да. Вот это и женихи наши. Мы были оборванными, и сменится нечего было, вот. Свадьбы никто тогда не делал, а так – бутылка водки, вина, закуски вот и все. Никого нет. Расписывали одним днем, паспорта, дали свидетельства о браке, расписали и все. Но уплатить надо было пятерку – десятку. Жили на квартире, у летних кухнях..

Слава Богу, что вы не видели, чего мы видели!

Бузівська Пелагія Іллівна: «Готовили нас на расстрел...»

РУСЛАН ВОРОНОВ

Бузівська Пелагія Іллівна, 18 серпня 1937 р.н., с. Белосарайка Сталінської області, Першотравневий район УРСР; Донецьк, Донецька область, Україна. Дата проведення: 20.11.2011. Тема: «Военне дитинство».

Интерв'юер: *Представьтесь, пожалуйста, когда и где Вы родились?*

Пелагія Іллівна: Что, говорить? Родилась я в селе Белосарайка, Першотравневый район, Донецкая область, в 1937 году, 18 августа Зовут – Бузівская Пелагея Ильична.

Интерв'юер: *Так, хорошо, как раз на момент войны Вам было 4 года – вот что Вам запомнилось с того времени?*

Пелагія Іллівна: Что запомнилось...? Запомнилась война, немцы были, даже были рядом бомбы... была эти... (*задумалась*) ну, взрывы, даже рядом с нашим... нашим небольшим домиком, ну... там не домик, а землянка, можно сказать, была. Вот..., немцы ходили по хатах, искали партизан всё время. Я так припоминаю, что моя мать

была связана с партизанами – приходили с плавлен, Я видела этих... мужчин в кожаных куртках, перевязанные патронами – патрон-таш назывался или как... ну, тогда для моего детского ума ещё не было это понятно, а позже я уже констатировала все эти... Ну... (*задумалась*), когда-то мать меня послала..., рядом бабушка жила, послала узнать зачем пришли немцы. Я бежала, он взмахнул автоматом, начал прицеливаться стрелять и кричать «Партизан!» – даже дитё было ему... партизаном казалось. Бабушка повисла на него, на плечо, и говорит: «Это моя внучка, внучка!». Еле отбила его, шоб он не выстрелил. Ну..., что я помню? (*Вспоминает*).

Интерв'юер: *Как Вы жили тогда?*